

Минаева Э. В.,

кандидат филологических наук, доцент кафедры
мировой литературы и русского языкознания
ГУ „Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко”, г. Старобельск, Украина.
доцент факультета русского языка
Ланьчжоуского политехнического университета,
г. Ланьчжоу, Китай.
ella7773.em@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5294-4052>

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА „ЛЮБОВЬ”
В ЭПИСТОЛЯРИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ
И В ТРУДАХ РУССКИХ ФИЛОСОФОВ**

Концептуальный анализ ключевых концептов русской культуры позволяет расширить представление о данных концептах, русской концептосфере, языковой картине мира. Особую роль в обогащении содержания культурных концептов выполняют писатели и поэты, а также выдающиеся философы, что обуславливает необходимость анализа вербализованных ключевых концептов на материале текстов литераторов и философов. Таким образом, анализ концепта „любовь” на материале эпистолярных тестов Марины Цветаевой и трудов русских философов может расширить знания о содержании исследуемой константы. Мы можем реконструировать признаки художественной картины мира с целью заполнения лакун в содержании констант славянской культуры.

Значительный вклад в развитие лингвистической концептологии сделали исследователи Д. Лихачев, Ю. Степанов, Н. Арутюнова, А. Кубрякова, Г. Фрумкина, В. Карасик, Г. Слышкин, С. Воркачов, Т. Булыгина, А. Шмелев и др., в чьих работах исследовался и концепт „любовь”. Особое внимание в исследованиях концепта „любовь” уделялось изучению лингвокультурного содержания концепта, его эмоциональной и ценностной составляющих, его роли в формировании языковой картины мира. Несмотря на большое количество трудов по лингвистической концептологии, в которых в частности исследовался и концепт „любовь”, количество исследований этого концепта на материале поэзии Марины Цветаевой незначительно. Например, Конарева Н. исследовала метафорическое репрезентацию и ассоциативно-семантическое поле художественного концепта „любовь” в поэтическом дискурсе М. Цветаевой. Ковинова И. и Петрова Н. провели сравнительный анализ эмоциональной составляющей концептов „любовь” и „ненависть” в поэзии М. Цветаевой. Надо отметить, что

концепт „любовь” не исследовался на материале эпистолярных текстов М. Цветаевой, а также в сопоставлении с анализом признаков концепта „любовь” в философских текстах. Этим и обусловлена актуальность нашего исследования.

Концепт „любовь” – один из базовых культурных концептов, или констант. По определению Ю. Степанова, константы устойчивы и постоянны; с тех пор как они появились, они есть всегда, в них есть неизменная и переменная части, они прослеживаются на некотором отрезке времени (Степанов, 2001, с. 6). Концепт „любовь” относится к духовных концептам, что делает научное описание и познания его сложным и имеющим предел, так как „мы можем довести свое описание лишь до определенной черты, за которой лежит некая духовная реальность, которая не описывается, но лишь переживается” (Степанов, 2001, с. 83).

Существуют общепринятые теории любви. Дж. Ли (J. Lee) разработал следующую типологию любви:

1) *эрос* – страстная любовь-увлечение, стремящаяся к полному физическому обладанию;

2) *людус* – гедонистическая любовь-игра, не отличающаяся глубиной чувств и сравнительно легко допускающая возможность измены;

3) *сторге* – спокойная, теплая и надежная любовь-дружба;

4) *прагма* – возникает из сочетания *людуса* и *сторге* – расчетлива, легко поддается контролю; любовь по расчету;

5) *манья* – появляется как сочетание *эроса* и *людуса*, иррациональная любовь-одержимость, для которой типичны неуверенность и зависимость от объекта влечения;

б) *агапе* – бескорыстная любовь-самоотдача, синтез *Эроса* и *сторге*.

Для женщин более характерны сторгические, прагматические и маниакальные проявления любви, а молодым мужчинам более свойственна эротическая и особенно людусская любовь (Ильин, 2003, с. 224).

Роберт Стернберг, исследователь из Йельского университета, разработал модель, которая включает в себя три основных элемента любви:

1. Интимность является эмоциональным элементом и подразумевает близость, взаимную поддержку и партнерство. В процессе развития отношений, по мере того как партнеры сближаются, интимность, как правило, постепенно возрастает, начиная с определенного уровня, достигнутого в начале отношений. В стабильных и гармоничных отношениях интимность не всегда имеет внешнее выражение, однако отчетливо проявляется в кризисных ситуациях, которые пара преодолевает вместе.

2. Страсть является элементом мотивации любви и проявляется в виде желания соединиться с любимым. Стернберг уподобляет страсть наркотику, который манит людей и сулит наслаждение. Если один из

партнеров внезапно прерывает отношения, другой партнер может страдать от депрессии и раздражительности, испытывая душевную боль от расставания. Со временем в процессе длительных отношений страсть стабилизируется, поскольку уже не в состоянии оказывать соответствующую стимуляцию и доставлять такое же наслаждение, как раньше. Это не значит, что страсть теряет значение или исчезает. Страсть просто теряет важное значение как элемент мотивации отношений.

3. Преданность представляет собой когнитивный аспект любви, как при кратковременных, так и при длительных отношениях. По мере сближения партнеров взаимная преданность приобретает все большее значение. Подобно иным элементам любви, преданность со временем стабилизируется или снижается, если отношения оказываются неудачными (Кэлли, 2000, с. 367).

Ю. Степанов выделяет три компонента формы концепта „любовь”:

а) „взаимное подобие” двух людей;

б) установление, или вызывание этого подобия действием;

в) осуществление этого действия, или, скорее, цикла действий по „круговой модели”, в которой „адресантом” и „адресатом” попеременно выступают оба участника, причем сначала, видимо, „адресантом”, или „источником” всего „цикла”, оказывается неактивный агент, который потом, в середине „цикла” будет „объектом” любви (Степанов, 2001, с. 397).

Культурные концепты всегда отмечены этнокультурной спецификой. В традиционной русской культуре концепт „любовь” понятийно не развит или целомудренно не обсуждался (Степанов, 2001, с. 412). В „Толковому словаре живого великорусского языка” В. Даля любовь определяется как „сильная к кому привязанность, начиная от склонности до страсти; сильное желанье, хотенье; избранье и предпочтенье кого или чего по воле, волею (не рассудком), иногда и вовсе безотчетно” (Даль, 2003, с. 282). В русском народном быту вместо *люблю* говорят *жалю*, *жаль* (кого). Глагол *жалеть* передает не само чувство любви, а физическое ощущение от него, его след в душе (Степанов, 2001, с. 394).

Письма Марины Цветаевой имеют характерные отличительные черты идиостиля этого автора, отличаются исповедальностью и поэтичностью, их можно определить как эпистолярную лирику. Тексты воспринимаются как целостный макротекст, в условиях которого развивается и функционирует концепт „любовь”. В эпистолярном творчестве Цветаевой концепт „любовь” сложен и неоднозначен. На основании сплошной выборки из эпистолярного макротекста Марины Цветаевой и последующего количественного анализа мы выделили ряд признаков концепта „любовь”, характерных для идиостиля и мировоззрения этого автора: безмерность, стихийность, страстность, конфликт тела и души, материнская забота, поглощенность, конфликт потребности в любви и отречения от любви, восхищение, боль, удивление, тоска, одиночество, счастье, потеря, понимание, испытания.

Мы отметили, что существуют более объемные признаки концепта „любовь”, которые „соприсутствуют” в каждом из локально выделенных признаков, они как бы „разлиты” по всему концепту: безмерность, идеализирование, страстность, драматичность, конфликтность.

Рассмотрим некоторые из этих признаков. *Безмерность* – один из самых объемных признаков концепта „любовь” в эпистолярных текстах М. Цветаевой. Еще Франциск Салезский утверждал: „Мера любви — любовь без меры” (Большая книга афоризмов, 2000, с. 407). Н. Бердяев считал, что „любовь по природе своей трагична, жажда ее эмпирически неутолима, она всегда выводит человека из данного мира на грань бесконечности, обнаруживает существование иных миров” (Бердяев, 1989, с. 27). В то же время безмерность любви, по мнению Н. Бердяева, более характерна для женщины: „Женщина гораздо более отдается одному, тому, что сейчас ей обладает, одному переживанию, вытесняющему всю остальную жизнь, весь мир. У женщины одно делается всем, в одном она все видит, в одно все вкладывает. Все бытие отождествляется женщиной с тем состоянием, которое в данное время ею обладает. <...> Мужчина не склонен отдаваться исключительно и безраздельно радости любви или страданию от несчастья, у него всегда есть еще его творчество, его дело, вся полнота его сил. В поле мужского сознания что-то выступает на первый план, другое отступает, но ничто не исчезает, не теряет своей силы. Женщина отдается исключительно и безраздельно радости любви или страданию от несчастья, она вся растворяется в этом одном, всю себя в это одно вкладывает. <...> И в стихии женской любви есть что-то жутко страшное для мужчины, что-то грозное и поглощающее, как океан. Притязания женской любви так безмерны, что не могут быть выполнены мужчиной” (Бердяев, 1989, с. 96—97).

Об этом пишет и Марина Цветаева: „*Есть, конечно, предельная (т. е. — беспредельная!) любовь: „я тебя люблю, каков бы ты ни был”. Но каковым же должно быть это ты! И это я, говорящее это ты. Это, конечно, чудо* (Цветаева, 1995, с. 568), „<...> *творчество и любовность несовместимы. Живешь или там или здесь. Я слишком увлекаюсь. Для того, чтобы любить, мне нужно забыть (все, т. е. СЕБЯ!). Не видеть деревьев, не слышать листьев, оглохнуть, ослепнуть — иначе: урвусь!*” (Цветаева, 1995, с. 617), „*Когда люди, сталкиваясь со мной на час, ужасаются теми размерами чувств, которые во мне возбуждают, они делают тройную ошибку: не они — не во мне — не размеры. Просто безмерность, встающая на пути. И они, м. б., правы в одном только: в чувстве ужаса*” (Цветаева, 1995, с. 593), „*А я вся так в С<ереже> <...> Я вообще закаменела, состояние ангела и памятника, очень издалека. Единственное мое живое (болевое) место — это С<ережа>”* (Цветаева, 1995, с. 66), „<...> *другой влечется к моему богатству, а я влекусь — через него — стать нищей. Он хочет во мне быть, а я хочу в нем пропасть*” (Цветаева, 1995, с. 617), „*Я никогда не давала человеку права выбора: или все — или ничего, но в этом все — как в перевозданном*

хаосе — столько, что немудрено” что человек пропал в нем, терял себя и в итоге меня...” (Цветаева, 1995, с. 659–660), *„Мне во всем — в каждом человеке и чувстве — тесно, как во всякой комнате, будь то нора или дворец”* (Цветаева, 1995, с. 708).

Автор писем, остро переживая любовь как „безмерное”, ожидает того же и от адресата: *„Любите мир — во мне, не меня — в мире. Чтобы „Марина” значило: мир, а не мир — „Марина”* (Цветаева, 1995, с. 674), *„<...> если Вы любите меня всю, со всем (всеми!) во мне, если Вы любите меня выше жизни — любите меня!”* (Цветаева, 1995, с. 620). Эти ожидания не оправдывались и приносили горечь и разочарование. Цветаева в письмах к А. Тесковой в 1924 г. и в 1935 г. написала: *„Я дождала до сорока лет и у меня не было человека, который бы меня любил больше всего на свете”* (Цветаева, 1995, с. 431), *„<...> меня не любили. (Так мало! так — вяло!) По-мужски — не любили”* (Цветаева, 1995, с. 431).

Безмерность – потенциальное свойство всякого духовного концепта. Активность признака *безмерность* в письмах М. Цветаевой свидетельствует о высокой степени вхождения автора в сферу духовного. Характеристики признака *безмерность* в текстах Цветаевой соответствуют описанным Н. Бердяевым особенностям женской любви: абсолютное погружение в одно переживания, отождествление всего бытия с переживаемым состоянием, ужас других людей (прежде всего — мужчин) перед безмерностью любви, неизбежен конфликт между безмерными притязаниями женской любви и невозможностью их выполнения мужчиной, стихийная природа любви.

Перейдем к признаку *стихийность*. Цветаева воспринимает любовь как стихию, самостоятельную силу, которой не в состоянии управлять человек. Философ Георгий Гачев отмечает, что в России чувственная страсть – это „событие; не будни, но как раз стихийное бедствие” пожар, землетрясение, эпидемия, после которого жить больше нельзя, а остается лишь омут, обрыв, откос, овраг” (Гачев, 1994, с. 25). Если Бердяев, говоря о стихийности женской любви, сравнивает любовь с океаном, то Марина Цветаева – с морем и стихами: *„Да, со стихами, мой милый друг, как с любовью: пока она тебя не бросит...”* (Цветаева, 1995, с. 248), *„<...> море либо устрашает, либо разнеживает. Море слишком похоже на любовь. Не люблю любви. (Сидеть и ждать, что она со мной сделает.)”* (Цветаева, 1995, с. 346), *„<...> я только что с моря и поняла одно. Я постоянно, с тех пор как впервые не полюбила, порываюсь любить его в надежде, что, может быть, выросла, изменилась, ну просто: а вдруг понравится? Точь-в-точь как с любовью. Тождественно. И каждый раз: нет, не мое, не могу. То же страстное въигрыванье (о, не заигрыванье! никогда), гибкость до предела, попытка проникнуть через слово (слово ведь больше вещь, чем вещь: оно само — вещь, которая есть только — знак. Назвать — овеществить, а не развоплотить) — и отпор. И то же неожиданное блаженство, которое забываешь, как только вышел (из воды, из любви) — неостановимое, нечислящееся”* (Цветаева, 1995, с.

255—25). Цветаева прямо определяет любовь как стихию: „В любовной стихии – чудо <...>” (Цветаева, 1995, с. 568), „<...> мы опять попадаем в стихию Эроса” (Цветаева, 1995, с. 568). Она говорит об отсутствии у нее выбора в том, что касается любви: „Никто – почти никто! — из моих друзей не понимает моего выбора. Выбора! Господи, точно я выбирала!” (Цветаева, 1995, с. 121).

Концептуальный признак *конфликт души и тела* был выделен на основании того, что Цветаева часто находилась в состоянии внутреннего конфликта, душа и тело вступали в конфронтацию. Это ощущение разлада порождало противоречивые чувства: осознание своего превосходства над окружающими, своей избранности, уникальности и в то же время чувство ущербности, которое причиняло страдания: „В любви меня нету, есть исступленное, невменяемое, страдающее существо, душа без тела” (Цветаева, 1995, с. 617), „Может быть — этот текущий час и сделает надо мной чудо — дай Бог! — м. б. я действительно сделаюсь человеком, довоююсь. Друг, друг, я вся дух, душа, существо. Не женщина к Вам пишет, то, что над, то, с чем и чем умру (Цветаева, 1995, с. 616), „Я не могу жить, т.е. длить, не умею жить во днях, каждый день, — всегда живу вне себя. Эта болезнь неизлечима и зовется: душа” (Цветаева, 1995, с. 708), „Я, Макс, уже ничего больше не люблю, ни-че-го, кроме содержания человеческой грудной клетки. О <ереже> думаю всечасно, любила многих, никого не любила” (Цветаева, 1995, с. 64), „<...> ненасытная исконная ненависть Психеи к Еве, от которой во мне нет ничего. А от Психеи — все. Психею — на Еву! Пойми водопадную высоту моего презрения. <...> Ревность? Я просто уступлю, как душа всегда уступает телу, особенно чуждому — от честнейшего презрения, от неслышанной несоизмеримости” (Цветаева, 1995, с. 263), „Моя жалоба — о невозможности стать телом. О невозможности потонуть” (Цветаева, 1995, с. 204), „<...> догадалась: „Я” ЭТО ПРОСТО ТЕЛО <...>: голод, холод, усталость, скука, пустота, зевки, насморк, хозяйство, случайные поцелуи, пр<очее>”. Не хочу, чтобы это любили. Я его сама еле терплю. В любви ко мне я одинока, не понимаю, томлюсь” (Цветаева, 1995, с. 317), „Тело отнюдь не считаю полноправной половиной человека” (Цветаева, 1995, с. 568), „<...> именно в любви другому никогда нет до меня дела, ему до себя, он так упоительно забывает меня, что очнувшись — почти что не узнает. А моя роль? Роль отсутствующей в присутствии? О, с меня и конце концов этого хватило, я предпочла быть в отсутствии присутствующей <...> — я совсем отбросила эту стену — тело, уступила ее другим, всем” (Цветаева, 1995, с. 577–578).

Марина Цветаева упрекала мужчин, что их в значительной степени интересует не душа женщины, а ее тело: „Ему нужно: несколько голов (умов) — мужских, от времени до времени — подобие любви, (жесточайшая игра для обтачивания когтей против себя же!) или мужская дружба <...> — или женское обаяние: духи, меха — и никакой грудной клетки!” (Цветаева, 1995, с. 160), „Сильнее души мужчины

любят тело, но еще сильнее тела – шелка на нем: самую поверхность человека!” (Цветаева, 1995, с. 729). Лишь в редких случаях Цветаева обретает чувство цельности и не ожидает от любимого человека гипертрофии духа: *„Я не могу тебя с другой, ты мне весь дорог, твои губы и руки так же, как твоя душа. О, ничему в тебе я не отдаю предпочтения: твоя усмешка, и твоя мысль, и твоя ласка — все это едино и неделимо, и не дели. Не отдавай меня (себя) зря. Будь мой”* (Цветаева, 1995, с. 661), *„Люди поддерживали во мне мою раздвоенность. Это было жестоко. Нужно было или излечить — или убить. Вы меня просто полюбили”* (Цветаева, 1995, с. 660), *„Вы сделали надо мной чудо, я в первый раз ощутила единство неба и земли. О, землю я и до Вас любила: деревья! Все любила, все любить умела, кроме другого, живого. Другой мне всегда мешал, это была стена, об которую я билась, я не умела с живыми! Отсюда сознание: не – женщина – дух! Не жить – умереть. Вокзал”* (Цветаева, 1995, с. 660), *„Двадцати лет, великопная и победоносная, я во всеуслышание заявляла: „раз я люблю душу человека, я люблю и тело. Раз я люблю слово человека, я люблю и губы”* (Цветаева, 1995, с. 577), *„Но в глубокие часы души <...> все мои опыты, все мои старые змеиные кожи — падают. Любя шум деревьев, беспомощные или свободные манования его, не могу не любить его ствола и листвы: ибо — листвой шумит, стволом растет! Все эти деления на тело и дух – жестокая анатомия на живом, выборничество, эстетство, бездушие”* (Цветаева, 1995, с. 578).

Не менее важный признак концепта „любовь” в письмах Марины Цветаевой – признак *боль*. Этот признак характерен вообще для мироощущения русского человека. О чем много писали и философы. Например, Н. Бердяев писал: *„Человек жертвенными и страдальческими путями выходит в мировую ширь и в мировую высоту”* (Бердяев, 1990, с. 180), *„Сама любовь иногда обязывает быть твердым и жестким, не бояться страдания, которое несет с собой борьба за то, что любишь”* (Бердяев, 1990, с. 162]. Особенно это присуще русской женщине, тем более — женщине любящей. Несмотря на то, что слова „боль”, „страдание” обычно имеют отрицательную коннотацию, русская женщина обладает уникальной способностью именно через них проникать в самую глубь явлений внутреннего и окружающего миров, о чем и пишет в своих письмах Марина Цветаева. Боль, страдание активно участвуют в формировании картины мира русской женщины. Философ В. Розанов утверждал: *„Любовь есть боль. Кто не болит (о другом), тот и не любит”* (Розанов, 1992, с. 126), *„Женская душа вся на слезах стоит. Женская душа другая, чем мужская („мужсланы”). Что же это такое, мир слез? Женский – отчасти, и – страдания, тоже отчасти. Да, это категория вечная”* (Розанов, 1992, с. 262).

Цветаева пишет о любви-боли, любви-болезни: *„Любить – болеть”* (Цветаева, 1995, с. 743), *„Раны своей ты не любишь, раной своей ты не упиваешься, ты хочешь выздороветь или умереть. Но за время болезни своей ты многому научился, и вот, встав, благословляешь рану,*

сделающую тебя человеком. Так и с любовью” (Цветаева, 1995, с. 573), „<...> думала: „А откуда же тогда этот вечный вопль души в любви: „Сделай мне больно!” (Цветаева, 1995, с. 578), „Изменяем мы себе, а не другим, но если другой в этот час — ты, мы все-таки изменяем другому. Кем Вы были в этот час? Моей БОЛБЮ, губы того — только желание убить боль” (Цветаева, 1995, с. 585), „Болевое в любви лично, уладительное принадлежит всем. Боль называется ты, уладительное — безмянно (стихия Эроса). Поэтому „хорошо” нам может быть со всяким, боли мы хотим только от одного. Боль есть ты в любви, наша личная в ней примета. (NB! Можно это „хорошо” от всякого не принять.) Отсюда: „сделай больно”, т. е. скажи, что это ты, назовись” (Цветаева, 1995, с. 590), „Наблюдаю боль (в который раз!), те же физические законы болезни: дни до, взрыв, постепенность, кризис. До смерти у меня никогда не доходило, т. е. чтобы душа умерла (Цветаева, 1995, с. 594), „Вы — это моя боль” (Цветаева, 1995, с. 595), „Вы возбуждаете во мне дурные чувства: жажду боли: МЕСТНОЙ боли, которая бы перекричала общую” (Цветаева, 1995, с. 598), „Я рванулась, другой ответил, я услышала большие слова, проще которых нет, и которые я, может быть, в первый раз за жизнь слышу. <...> Что из этого выйдет — не знаю. Знаю: большая боль. Иду на страдание (Цветаева, 1995, с. 609), „<...> ревнивая к своей боли, никому не говорю про С<ережу>” (Цветаева, 1995, с. 182), „Ланн — только роскошь, и вся боль от него и за него — роскошь, и сейчас Бог наказывает” (Цветаева, 1995, с. 159).

В макротексте писем Марины Цветаевой можно выделить еще один важный признак концепта „любовь” – *материнская забота*. Для русской женщины любимый человек — это муж и любовник, отец и дитя. Не случайно в русском быту вместо „люблю” нередко говорят „жалую”, чаще употребляют слово „родной”, нежели „любимый”: жалеют прежде всего ребенка, „родной” – значит „плоть от плоти”. Русский философ Георгий Гачев пишет. „<...> союз русской женщины и мужчины – это не **ОН** \wedge **ОНА** и не **ОН** \parallel **ОНА**, где оба или равно опираются друг на друга, или где она опирается на него – прямо стоящего, но где ему хочется припасть, прильнуть, осесть и прислониться, хоть на миг, и где русская баба и без мужика выживет и проживет.

ОНА \parallel ОН

Или даже: **ОНА** | \uparrow **ОН** – муж(ик) пунктирный, случайный, летучий...” (Гачев, 1994, с. 215).

Концептуальный признак *материнская забота* можно выделить в следующих высказываниях Марины Цветаевой: „Но С<ережу> мне необходимо увидеть, просто войти, чтоб видела. „Вместо сына”, – так я бы это назвала, иначе ничто не понятно” (Цветаева, 1995, с. 66), „... я ехала за границу к С<ереже>. Он без меня зачахнет, просто от неумения жить” (Цветаева, 1995, с. 717), „Я постоянно дрожу над ним” (Цветаева, 1995, с. 121), „Меня. Ланн, очевидно могут любить только мальчишки, безумно любившие мать и потерянные в мире, — это моя

примета” (Цветаева, 1995, с. 180), „Большой ты или маленький, для меня ты — всё мальчик! <...> — Так или иначе, ты у меня на груди — суровой! — только не к тебе, потому что ты мое дитя — через боль” (Цветаева, 1995, с. 585), „Только что приехала в сразу уезжать! (Как в детстве, знаете?) Все: — Но М<ихаил> А<лексеевич> еще будет читать... Я, деловито: — Но у меня дома подруга. — Но М<ихаил> А<лексеевич> еще будет петь. Я, жалобно: — Но у меня дома подруга. (?) Легкий смех, и кто-то, не выдержав: — Вы говорите так, точно — у меня дома ребенок. Подруга подождет” (Цветаева, 1995, с. 209), „<...> я многих задела (любила и разлюбила, нянчила и выронила) ” (Цветаева, 1995, с. 232), „Я, когда буду умирать, о ней (себе) подумать не успею, целиком занятая: накормлены ли мои будущие жатые, не разорились ли близкие на мой консилиум, и м. б. в лучшем эгоистическом случае: не растащили ли мои черновики. Собой (душой) я была только в своих тетрадах и на одиноких дорогах — редких, ибо я всю жизнь — водила ребенка за руку. На „мягкость” в общении меня уже не хватало, только на общение: служение: бесполезное жертвоприношение. Мать-пеликан в силу созданной ею системы питания — зла” (Цветаева, 1995, с. 277), „Я люблю Вас как друга и еще — в полной чистоте — как сына, Вам надо расстаться только с женщиной во мне, с молодой и совершенно потерянной женщиной” (Цветаева, 1995, с. 610).

В результате проведенного анализа эпистолярного макротекста Марины Цветаевой были выделены и рассмотрены некоторые значимые для идиостиля автора признаки концепта „любовь” в сопоставлении репрезентацией данных признаков в трудах русских философов. Можно кратко и ёмко выразить основную суть репрезентации концепта „любовь” в эпистолярных текстах Марины Цветаевой через высказывание философа В. Розанова: „Больше любви; больше любви, дайте любви. Я задыхаюсь в холоде. У, как везде холодно” (Розанов, 1992, с. 303). Выделенные нами концептуальные признаки заполнили ряд лакун данной константы. Ощущение концептосферы языка как своего рода концентрации духовного богатства культуры чрезвычайно свойственно поэтам, писателям и философам, обогащающим концептосферу национального языка. Изучение концептосферы на материале произведений таких авторов позволяет продолжить ряд признаков, присущих данному концепту; в результате происходит „наращивание” смыслов.

Список использованной литературы

- 1. Степанов Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры. М. : Акад. проект, 2001. 989 с.
- 2. Ильин Е. П.** Дифференциальная психофизиологи мужчины и женщины. СПб. : Питер, 2003. 544 с.
- 3. Кэлли Г.** Основы современной сексологии. СПб. : Питер, 2000. 883 с.
- 4. Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 2003. Т. 4. 688 с.
- 5. Большая книга афоризмов / сост. К. Душенко.** М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. 165 с.
- 6. Бердяев Н. А.** Эрос и

личность. Философия пола и любви. М.: Прометей, 1989. 224 с.
7. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
8. Цветаева М. И. Собр. соч. : в 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 2. 591 с.
9. Гачев Г. Русский эрос. М.: Интерпринт, 1994. 279 с.
10. Бердяев Н. А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М.: Философское общество СССР, 1990. 240 с.
11. Розанов В. В. Опавшие листья. М.: Современник, 1992. 541 с.

References

1. Stepanov, Yu. S. (2001). Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury [Constants: dictionary of russian culture]. M.: Akad. proekt [in Russian].
2. П'ин, Е. Р. (2003). Differencial'naya psihofiziologi muzhchiny i zhenshchiny [Differential psychophysiology of men and women]. SPb.: Piter [in Russian].
3. Kelli, G. (2000). Osnovy sovremennoj seksologii [Fundamentals of modern sexology]. SPb.: Piter [in Russian].
4. Dal', V. I. (2003). Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. M.: Rus. yaz. [in Russian].
5. Bol'shaya kniga aforizmov [The big book of aphorisms]. (2000). M.: EKSMO-Press [in Russian].
6. Berdyaev, N. A. (1989). Eros i lichnost'. Filosofiya pola i lyubvi [Eros and personality. The philosophy of sex and love]. M.: Prometej [in Russian].
7. Berdyaev, N. A. (1989). Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva [The philosophy of freedom. The meaning of creativity]. M.: Pravda [in Russian].
8. Cvetaeva, M. I. (1995). Sobr. soch. [Collected works]. M.: Ellis Lak [in Russian].
9. Gachev, G. (1994). Russkij eros [Russian Eros]. M.: Interprint [in Russian].
10. Berdyaev, N. A. (1990). Sud'ba Rossii: Opyty po psihologii vojny i nacional'nosti [The fate of Russia: Experiments on the psychology of war and nationality]. M.: Filosofskoe obshchestvo SSSR [in Russian].
11. Rozanov, V. V. (1992). Opavshie list'ya [Fallen leaves]. M.: Sovremennik [in Russian].

Мінасва Е. В. Репрезентація концепту „любов” в епістолярії Марини Цвєтаєвої і в працях російських філософів

У статті виділено та розглянуто декілька найважливіших гендерних ознак концепту „любов” на матеріалі епістолярних текстів Марини Цвєтаєвої, а саме: *безмірність, стихійність, конфлікт тіла та душі, біль, материнська турбота*. Активність ознаки *безмірність* у листах М. Цвєтаєвої свідчить про високий ступінь входження автора в сферу духовного. Гендерні характеристики ознаки *безмірність* в текстах Цвєтаєвої відповідають описаним філософом М. Бердяєвим особливостям жіночої любові. Ознака *стихійність* проявляється у тому, що Цвєтаєва сприймає любов як стихію, самостійну силу, якою не в змозі управляти людина. Гендерна ознака *конфлікт душі та тіла* була виділена на підставі того, що Цвєтаєва часто перебувала в стані внутрішнього конфлікту, душа і тіло вступали в конфронтацію. Гендерна ознака *конфлікт душі та тіла* ґрунтується також на тому, що Марина Цвєтаєва дорікала чоловікам, що їх значною мірою цікавить не душа жінки, а її тіло. Гендерна ознака *біль*

проявляється у тому, ще незважаючи на те, що слова „біль”, „страждання” зазвичай мають негативну конотацію, жінка має унікальну здатність саме через них проникати в саму глиб явищ внутрішнього і навколишнього світів, про що пишуть як Марина Цветаєва, так і російські філософії. Біль, страждання беруть активну участь у формуванні картини світу жінки. Гендерна ознака *материнська турбота* виділена як активна в епістолярії Марина Цветаєвої, також зв'язок між жіночою картиною світу та цією ознакою концепту „любов” зафіксували російські філософи.

Дослідження показало, що концептуальний аналіз художніх текстів дозволяє реконструювати і співвіднести метагендерні та гендерні ознаки констант культури з урахуванням ідіостилевих особливостей конкретного автора. Включення гендерного параметра в лінгвістичний розгляд концептів дозволяє істотно розширити уявлення про мову як про засіб конструювання картини світу, зокрема – художньої.

Ключові слова: концепт (константа), концептуальний аналіз, гендерний аналіз, концепт „любов”, гендерні ознаки.

Минаєва Э. В. Репрезентация концепта „любовь” в эпистолярии Марины Цветаевой и в трудах русских философов

В статье выделены и рассмотрены несколько важнейших гендерных признаков концепта „любовь” на материале эпистолярных текстов Марины Цветаевой, а именно: *безмерность, стихийность, конфликт тела и души, боль, материнская забота*. Активность признака *безмерность* в письмах М. Цветаевой свидетельствует о высокой степени вхождения автора в сферу духовного. Гендерные характеристики признака *безмерность* в текстах Цветаевой соответствуют описанным философом Н. Бердяевым особенностям женской любви. Признак *стихийность* проявляется в том, что Цветаева воспринимает любовь как стихию, самостоятельную силу, которой не в состоянии управлять человек. Гендерный признак *конфликт души и тела* был выделен на основании того, что Цветаева часто находилась в состоянии внутреннего конфликта, душа и тело вступали в конфронтацию. Гендерный признак *конфликт души и тела* основывается также на том, что Марина Цветаева упрекала мужчин в том, что их в значительной степени интересует не душа женщины, а ее тело. Гендерный признак *боль* проявляется в том, что, несмотря на то, что слова „боль”, „страдания” обычно имеют негативную коннотацию, женщина имеет уникальную способность именно через них проникать в самую глубь явлений внутреннего и окружающего миров, о чем пишут как Марина Цветаева, так и русские философы. Боль, страдания, таким образом, принимают активное участие в формировании картины мира женщины. Гендерный признак *материнская забота* выделен как активный в эпистолярии Марины Цветаевой, также связь между женской картиной мира и этим признаком концепта „любовь” зафиксировали русские философы.

Исследование показало, что концептуальный анализ художественных текстов позволяет реконструировать и соотнести метагендерные и гендерные признаки констант культуры с учетом

идиостилевых особенностей конкретного автора. Включение гендерного параметра в лингвистический рассмотрение концептов позволяет существенно расширить представление о языке как о средстве конструирования картины мира, в том числе – художественной.

Ключевые слова: концепт (константа), концептуальный анализ, гендерный анализ, концепт „любовь”, гендерные признаки.

Minaeva E. V. Representation of the concept of *Love* in Marina Tsvetaeva's epistolary and in the works of Russian philosophers

The article highlights and examines several important gender characteristics of the concept of „love” based on the material of Marina Tsvetaeva's epistolary texts, namely: *immensity*, *spontaneity*, *conflict of body and soul*, *pain*, *maternal care*. The activity characteristic of the *immensity* in the letters of M. Tsvetaeva testifies to the high degree of the author's entry into the spiritual sphere. The gender characteristic of the *immensity* in Tsvetaeva's texts correspond to the features of female love described by the philosopher N. Berdyaev. The characteristic of *spontaneity* is manifested in the fact that Tsvetaeva perceives love as an element, an independent force that a person is not able to control. The gender characteristic of *the conflict of soul and body* was highlighted on the basis that Tsvetaeva was often in a state of internal conflict, soul and body came into confrontation. The gender characteristic of *the conflict of soul and body* is also based on the fact that Marina Tsvetaeva reproached men that they are largely interested not in the soul of a woman, but her body. The gender characteristic of *pain* is manifested in the fact that, despite the fact that the words „pain”, „suffering” usually has a negative connotation, a woman has a unique ability to penetrate through them into the very depths of the phenomena of the inner and surrounding worlds, as both Marina Tsvetaeva and Russian philosophers write about. Pain and suffering, therefore, take an active part in shaping a woman's worldview. The gender characteristic of *maternal care* is highlighted as active in Marina Tsvetaeva's epistolary, and the connection between the female picture of the world and this sign of the concept of *Love* was also recorded by Russian philosophers.

The study showed that the conceptual analysis of literary texts makes it possible to reconstruct and correlate the metagender and gender characteristics of cultural constants, taking into account the idiosyncratic features of a particular author. The inclusion of the gender parameter in the linguistic consideration of concepts allows us to significantly expand the idea of language as a means of constructing a picture of the world, including an artistic one.

Keywords: concept (constant), conceptual analysis, gender analysis, the concept of *Love*, gender characteristics.

Стаття надійшла до редакції 10.10.2021 р.

Стаття прийнята до друку 25.10.2021 р.

Рецензент – д. філол. н., проф. Дмитренко В. І.